

DOI 10.26105/SSPU.2023.82.1.016

УДК 94(571.17)

ББК 63.3 (2Рос-4Кем)

Н.М. МОРОЗОВ

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ
НА КЕМЕРОВСКОМ РУДНИКЕ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1928–1932)¹**

N.M. MOROZOV

**SOCIALIST COMPETITION
AT THE KEMEROVO MINE DURING
THE FIRST FIVE-YEAR PLAN (1928–1932)**

В статье рассматриваются проблемы организации социалистического соревнования на шахтах Кемеровского рудника в годы первой пятилетки (1928–1932). В научной литературе эта проблема отражена фрагментарно. Ставится цель изучить её с помощью анализа архивных документов и материалов местной прессы. В результате проведённого исследования автор приходит к выводу о том, что в течение пятилетки начинает развиваться социалистическое соревнование в форме ударничества. Движение ударников набирало силу с переменным успехом, переживая маятниковые колебания — сначала рост, затем спад и вновь более значительный рост количества ударных бригад и ударников, ставших основными показателями эффективности мобилизации трудового энтузиазма рабочих, направленного на выполнение плана угледобычи.

Вместе с тем, рост результативности ударничества сдерживал ряд неблагоприятных факторов, это: формальная его поддержка со стороны руководства предприятий, партийных и профсоюзных органов; отсутствие конкретных взятых обязательств, поощряющее начётничество; неготовность горного надзора в организационном, техническом и моральном (из-за проявлений спекулятивности) плане оптимизировать потери рабочего времени шахтёров; высокая текучесть кадров.

The article discusses the problems of organizing socialist co-jealousy in the mines of the Kemerovo mine during the first five-year plan (1928–1932). In the scientific literature, this problem is reflected fragmentally. The goal is to study it by analyzing archival documents and materials of the local press. As a result of the study, the author comes to the conclusion that during the five-year plan, a socialist competition in the form of shock begins to develop. The drummer movement gained strength with varying success, experiencing pendulum fluctuations — first growth, then decline and again a larger increase in the number of strike brigades and strikers, which became the main indicators of the effectiveness of mobilizing labor enthusiasm of workers aimed at implementing the coal mining plan.

At the same time, the increase in the effectiveness of the strike restrained a number of unfavorable factors, these are: formal support from the leadership of enterprises, party and trade union bodies; lack of specific commitments made, encouraging mastermind; unavailability of mining supervision in the organizational, technical and moral (due to the manifestations of special equipment) plan to optimize the loss of miners' working time; high staff turnover.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кузбасс, Кемеровский рудник, добыча угля, социалистическое соревнование, ударничество.

¹ Статья написана в рамках реализации научного проекта «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII — XX вв.» (AAAA-A21-121011590011-2).

KEY WORDS: Kuzbass, Kemerovo mine, coal mining, socialist competition, shock.

ВВЕДЕНИЕ. Проблема развития социалистического соревнования заслуживает пристального внимания в связи с наличием в современном обществе запроса на эффективные механизмы управления кадрами, повышения производительности труда и качества продукции, удовлетворения социальных потребностей сотрудников в рамках трудового коллектива. В настоящее время руководство угольных кампаний в стране и в Кузбассе, в частности, постоянно находится в поиске нематериальных методов стимулирования труда шахтёров. В этой части изучение исторического опыта развития различных форм социалистического соревнования, в том числе на первых этапах их зарождения, актуально для вычленения и внедрения действенных инструментов мобилизации трудовых ресурсов, избегая возможные ошибки на этом пути.

ЦЕЛЬ — рассмотреть проблемы, связанные с зарождением социалистического соревнования на Кемеровском руднике в период первой пятилетки (1928–1932).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе проведённого исследования использован функциональный анализ документов, хранящихся в Государственном архиве Кузбасса, а также материалов местной прессы. В них отражены различные аспекты организации на шахтах Кемеровского рудника социалистического соревнования в форме ударничества.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В научной литературе проблема организации социалистического соревнования на Кемеровском руднике в годы первой пятилетки отражена фрагментарно [8, 10, 15]. Исследователи сосредоточились, в основном, на изучении основных тенденций в угольной отрасли Кузбасса, связанных со строительством новых шахт, механизацией угледобычи и состоянием рабочих кадров [1, 9]. Между тем, анализ более широкого круга источников регионального архива и материалов местной прессы существенно обогащает представление о ещё слабо изученных вопросах становления на руднике движения ударников — первого опыта масштабной мобилизации трудового энтузиазма трудящихся г. Щегловска на выполнения первого пятилетнего плана, предтечи широко развернувшегося с осени 1935 г. стахановского движения.

Социалистическое соревнование в шахтёрской среде, ставшее впоследствии на десятки лет традиционным, возникло в феврале 1929 г. между рабочими угольной отрасли Кузбасса и Донбасса по инициативе коллективов шахт № 1 Горловского рудоуправления (Донбасс) и № 5–7 Анжеро-Судженских копей. Уже в мае 1929 г. шахтёры Прокопьевска, Кемерово и Ленинска подписали первый в Кузбассе договор о социалистическом соревновании между рудниками.

На шахте «Центральная» Кемеровского рудоуправления первый опыт его организации по примеру ударной бригады комсомольца Захара Беганского с Прокопьевского рудника, сформированной в феврале 1929 г., трудящиеся приобрели во второй половине марта. По инициативе комсомольцев была создана ударная группа молодёжи, которая вызвала на соревнование группу шахтёров с большим стажем работы. Позднее была образована юнбригада из учеников забойщиков.

Однако без необходимой поддержки со стороны партийной и профсоюзной организаций, трудовое состязание быстро начало затухать. Коллективы считались соревнующимися, но при этом их члены были в неведении, какие же обязательства они должны выполнить. В мае, к моменту заключения краевого хозяйственно-политического договора, соревнование на шахте фактически прекратилось. Некоторый перелом наступил в начале июня, когда вопросами его организации занялся партийный актив предприятия, начиная с их обсуждения на раскомандировках перед сменами. На «Центральной» был создан штаб, в который трудящиеся направили 80 предложений по устранению различных «узких» мест. Уже эти первые организационные мероприятия встретили полную поддержку

шахтёров, охотно воспринимавших любое начинание, вызывавшее волну здоровой рабочей инициативы и самокритики недочётов. При участии 98,5% рабочих состоялись срочные перевыборы прежнего инертного состава профсоюзного шахткома. Число соревнующихся бригад к концу июня 1929 г. возросло до 49. Показатели их работы, а отдельные бригады превышали свои задания на 160, 170, 182%, показывали пример того, как, благодаря производственному энтузиазму, можно достичь высоких показателей.

Спустя два месяца из 49 соревнующихся групп осталось лишь 31, а из 80 предложений было выполнено только 6. Основным тормозом развития трудовых инициатив оказалась неготовность административно-технического персонала шахты и Кемеровского комбината к перестройке системы руководства горными работами. Задания отдельных участков (цехов, пластов) не были увязаны между собой, их руководители не обладали минимумом необходимых прав в оперативном управлении вверенным участком. Заведующий шахтой т. Рыжков, сосредоточив в своих руках контроль за всеми процессами, разменивался на решение мелких текущих вопросов, не видя ясных перспектив на будущее. В то же время опека руководства комбината над шахтой также доходила до мелочей. Предприятие не имело право самостоятельно закупить даже хомуты для лошадей, систематически испытывало затруднения в поставке новых вагонеток, деталей для механизмов, крепёжного леса и других материалов, что вызывало перебои в угледобыче [2, л. 20].

Простои по вине администрации, плохая работа вентиляционного хозяйства, невнимательность к замечаниям рабочих, слабая борьба с нарушителями трудовой дисциплины, выявляемыми самими шахтёрами, всё это создавало обстановку, убивающую творческую инициативу масс. Настроение безнадежности сквозило в выступлениях ораторов на различных собраниях. «Соревнование — дело хорошее, — говорил один старый шахтёр-коммунист, — рабочие с честью его выполняют, но надо устранить ненормальности от высшего до низшего. То завалы угля, то газ — придёшь, в шахтный забой вход запрещён. Надо заставить вертеть маховики, а рабочий рыло в кровь разобьёт, а свои задачи выполнит» [2, л. 19].

С октября 1929 г. шахты рудника перешли на непрерывную пятидневную рабочую неделю и 7-часовой (для подземных рабочих — 6-часовой) рабочий день. Этому предшествовала трёхмесячная разъяснительная кампания о преимуществах новых условий труда и борьба с саботажем в виде прогулов, которые шахтёры допускали иногда и целыми бригадами. На «Центральной» для оповещения о завершении очередной смены на всех участках были установлены звуковые сигнальные приборы. Все подземные бригады перешли на суточный четырёхсменный режим работы во все дни месяца. Особое внимание уделялось планированию на выходные дни.

Нередко существенным фактором, определявшим настроение и поступки людей, являлись их политические настроения, характерные для периода революционного романтизма, сформированные в среде участников Гражданской войны и людей, переживших её тяжёлые времена, на классовой ненависти к представителям общества, олицетворявшим старый режим. Они подогревались осознанием опасности враждебного внешнего окружения СССР, наличия скрытых врагов советской власти даже на своём предприятии.

Ритуальные призывы к бдительности, провозглашаемые на митингах, многочисленных собраниях, в печати и из уст партийного руководства, питали атмосферу подозрительности, в орбиту которой попадали, в первую очередь, инженеры и руководители. В среде хозяйственников решения партийных и профсоюзных органов своих предприятий приобретали порой значение большее, чем технологически правильные рекомендации вышестоящего руководства, поэтому в ответственных случаях у них сквозило желание «спрятаться за спину парткома или профкома». Производственные неудачи и отсутствие у части горного надзора привычки без высокомерия и чванства быть ближе к низовым

трудовым коллективам становились почвой для формирования среди малограмотной части шахтёров наивного мнения о том, что можно обойтись и без специалистов. В народе район Красной горки с административными зданиями Кемрудника стал называться уже не Красной, а Белой горкой.

Тем не менее, установка партии на утверждение единоначалия и развернувшаяся в ноябре 1929 г. разъяснительная кампания, направленная на её реализацию и поиск резервов повышения эффективности на всех участках производства, усилили политическое значение социалистического соревнования, что заставило хозяйственников, партийный, профсоюзный и комсомольский активы более ответственно подходить к его организации. В начале января 1930 года на Кемеровском руднике числилось уже 79 ударных групп, бригад и артелей, объединявших 21,1% всех рабочих. При этом в движении, охватившем низовые производственные единицы, было незначительное количество членов партии и ВЛКСМ, соответственно 14% и 27% от их численности [3, л. 13], т.е. сам политический актив весьма сдержанно отнёсся к личному участию в реализации рабочей инициативы на энтузиазме.

Первые успехи в организации ударных коллективов вдохновили партийные власти округа к их тиражированию, которое осуществлялось формально. Для того чтобы числиться ударной, членам любой бригады достаточно было публично объявить о таковом намерении. Случаи невыполнения повышенных обязательств не являлись поводом для лишения полученного звания. Упрощённый подход привёл к тому, что на ряде предприятий рудника уже к концу января все коммунисты были вовлечены ни к чему не обязывающему соревнованию.

С 1 февраля 1930 года окружной комитет ВКП(б) под лозунгом «Лицом к производству» развернул работу по переводу в течение 10 дней (до 10 февраля) всего Кузнецкого округа в статус ударного. Ударным объявил себя и Кемеровский рудник, на котором из 3700 рабочих ударниками себя записали 86%, а из 26 имевшихся в наличии ИТРовцев — 33%. Был составлен длинный перечень обязательных мероприятий, охватывавших все сферы производственной и городской жизни, в процесс выполнения которых были вовлечены женский актив, пионеры, работники культуры и образования. В ходе проведённой корректировки структуры рудоуправления были выделены и стали самостоятельными три производственные единицы — Шахтострой, Геологоразведка и отдел снабжения.

На шахте «Центральная» вместо упразднённых 3-х пластов, существовавших как хозяйственные единицы, по территориальному признаку были организованы 7 участков. На каждом из них появились штейгерский и десятнические участки с доведением производственных программ [4, л. 8–9, 13, 14, 61]. В Стройконторе рудника создавались участки по строительству группы объектов с назначением на каждый объект прораба из числа выдвиженцев.

На фоне проблем с финансированием, дефицитом материальных ресурсов и рабочих кадров, с которыми сталкивались все предприятия Кемрудника, практика поголовной записи в ударники выглядела политически оправданной с точки зрения демонстрации неисчерпаемых созидательных возможностей освобождённого революцией человека труда. Однако кампания по переводу предприятий в режим ударного труда, давшая значительный рост численности ударных коллективов, не принесла решительного перелома в улучшении производственных показателей. В 1930 г. годовая программа по добыче угля на руднике была выполнена на 98,5%. В 1931 г. себестоимость горных работ в течение 11 месяцев превышала контрольные цифры промфинплана на 121–125% и была в два раза выше, чем по угольному Кузбассу в целом. Средняя производительность труда одного рабочего в сравнении с 1930 г. снизилась до 84%, а средняя заработная плата возросла на 128,8%.

Сказались просчёты, характерные и для других рудоуправлений Кузбасса, это: неудовлетворительная организация труда и безответственность, особенно в низовом звене (десятник, штейгер); имеющее место смешение функций и вмешательство одного управленца в компетенции другого; отсутствие решительного поворота администрации, партийцев и профсоюза в сторону эффективной организации движения ударников; борьба с лжеударничеством велась от случая к случаю. Отрицательный эффект был из-за высокой текучести шахтёрских кадров (от 12% до 19% в месяц), которая отчасти являлась следствием сезонного убытия крестьян-отходников на полевые работы, перехода на стройки из-за повышенной там оплаты труда, неудовлетворительного снабжения продуктами питания и жильём [3, л. 64]. В смену шахтёры теряли до 20–25% времени из-за плохо организованной работы подземного транспорта.

Накануне XVI съезда партии (26 июня — 13 июля 1930 г.) на внеочередном заседании бюро Щегловского горкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос о ликвидации производственного прорыва на шахте «Центральная». В ходе его обсуждения участники отметили и другие слабые места работы её администрации и партийного актива. На предприятии в течение пятилетки ежегодно менялись управляющие, поэтому отсутствовала преемственность в работе административного аппарата. Речь также шла о высокой текучести среди рабочих «в сторону ухода», многочисленных прогулах и больных, нерациональном распределении десятниками рабочей силы в смене, самоустранении технического руководителя шахты от исполнения обязанностей, отсутствии культурно-массовой работы среди трудящихся и др. Попытка управляющего Кемеровским рудоуправлением т. Митюкова без санкции треста подправить статистику угледобычи в лучшую сторону за счёт снижения в сентябре и октябре плановых заданий на 5 тыс. тн не привела к желаемому результату. Ежемесячно задания ударных пятidineвок выполнялись всего на 72–80%. За очковитательство, названное правооппортунистической практикой, т. Митюков был снят с работы и исключён из партии [13].

Движение ударничества ещё более обострило проблему низкоэффективной эксплуатации техники и организации труда в забоях обеих шахт рудника — «Центральной» и «Диагональной». В октябре 1930 г. в ходе смотра состояния подземных машин под названием «Переключка механизмов» его участники выяснили, что техника используется «безобразно преступно». На «Центральной» в 56-й группе (бригаде) машины оказались заваленными углём, в 10-й лаве завален конвейер.

На «Диагональной» машина «Сисколь», имея суточное задание по добыче 38 тн угля, давала только 16 тн, т. к. на ней работали одни ученики. Рабочие внесли ряд предложений.

- Для дежурного районного электрика иметь определённое место дислокации.
- В группах усилить ответственность за инструменты, за которыми пока часто приходилось бегать в другие забои. Хозяйственникам предлагалось изготовить ящики для хранения инструментов с навесами и замками.
- Вести отгребку и крепление забоев не силами машинистов врубовых машин, а выделить специальных отгребщиков и крепильщиков.
- Открыть курсы для обучения отпальщиков.

Бригада журналистов газеты «Советская Сибирь» и работников ЦК ВКП(б), в ноябре 1930 г. посетившая Кузбасс, отметила отсутствие массовой работы по борьбе с производственными прорывами. Профячейки, по её мнению, «вместо действительного руководства ударничеством, вместо выявления лжеударников, вместо борьбы против использования звания ударника, в рваческих целях ограничивались лишь штамповкой списков рабочих, желающих именоваться ударниками. Сделались ли эти товарищи действительными ударниками на производстве — месткомы ... этим вопросом не интересовались» [12].

В 1931 г. вступила в строй новая шахта «Пионер» с проектной мощностью 350 тыс. тн в год. 8 мая первая вагонетка топлива была отправлена на угольный склад. В начале 1931 г. на предприятиях рудника появились первые хозрасчётные бригады. Социалистическое соревнование между трудовыми коллективами стало проводиться под лозунгом «Превратим Кузбасс во второй Донбасс!» [10, с. 192]. Для шахтёров Кемеровского рудника установка некоторых руководителей — «Уголь любой ценой» нередко приводила к трагическим последствиям. Газета «Кузбасс» в апреле 1931 г. сообщала об одном из них, произошедшем в 13-й зоне южного крыла рудника, где работала бригада Гершевичука. «Задание у них было 20 вагонов за смену, они с 6 до 10 часов дали 25 вагонов угля, завалив ходовое отделение углём. В южном провале на высоте 94 метров была прорвана плотина и вода усилила давление на 13-ю зону» [14], которая не выдержала и лопнула, завалив пятерых человек, одного спасли, а четверо погибли.

В октябре 1931 г. на «Центральной» во время работы врубовой машины «Шортвол-Джеффри» в южном крыле Волковского пласта произошёл взрыв метана, за миллионы лет скопившегося в линзе песчано-глинистого сланца. На месте погиб один человек (по профессии — канавщик), 13 получили травмы различной степени тяжести.

Прорывы в угледобыче, следовавшие один за другим, происходили на фоне постоянных заявлений руководства ВКП(б) о нарастании в стране весомых достижений в индустриальном строительстве и необходимости перехода к модернизации действующих предприятий. На шахтах специалистами-практиками и даже некоторыми представителями партийного актива, критически оценивавшими местные реалии, подобного рода заявления нередко воспринимались как авантюристические. В условиях партийной диктатуры информация о проявлениях протестных настроений даже в быту не оставалась без внимания.

В мае 1931 г. группа вольнодумцев с шахты «Центральная» в лице: т. Хахерина, начальника планового отдела; т. Гендона, бывшего секретаря гор/райкома ВКП(б), секретаря парткома Кемрудника, уже исключённого из партии; и т. Ицкова, за «правооппортунистические» взгляды была подвергнута политическому ostracismu. В вину ставилось выраженное в частных беседах мнение о том, что на данный момент «шахта является нерентабельной, что работаем очень скверно, переход на хозрасчёт не подготовлен...и весь Кузбасс работает на сегодня безобразно» [6, л. 2]. Не были забыты и случаи их лояльного отношения к так называемым тылоополченцам — группе репрессированных крестьян, на шахте под надзором находившихся на принудительном труде. На внеочередном заседании парткома рудника, посвящённом этому вопросу, злое слово звучало уже характерное для того времени предостережение, высказанное представителем горкома партии т. Таушкановым: «Мы настолько жестки в политическом отношении, что когда нужна кровь, мы её прольём беспощадно» [6, л. 23].

Скачок в увеличении угледобычи на 135% (с 378, 4 тыс. тн в 1931 г. до 516,6 тыс. тн в 1932 г.) [7, л. 2, 38, 40] стал возможен благодаря началу эксплуатации в мае 1931 г. шахты «Пионер», а также внедрению передовых форм организации труда на основе хозрасчёта и ударничества. К концу пятилетки на руднике работали 138 производственных бригад. Из них ударных хозрасчётных — 65, ударников — 1073 человек. Коллективы под руководством бригадиров тт. Брокарева, Аюпова, Лукьяненко, Максимова, Галлимутинова, Гарейшина и др. имели производственные показатели не ниже 100%, и это, как считалось, было уже хорошо. Отмечалось умелое техническое руководство со стороны заведующего горными работами рудоуправления инженера Андреева, техников — Абызова, Игнащенко, заведующего Диагональной шахтой Моргачёва и других.

Уже в марте 1933 г. шахтёры «Пионера» ежедневно выдавали на-гора по 600 тн угля. В мае по объёмам среднесуточной добычи предприятие заняло первое место в угольной отрасли Кузбасса и получило первую премию во Всесоюзном конкурсе шахт [10, с. 193].

ВЫВОДЫ. В годы первой пятилетки на Кемеровском руднике начинает развиваться социалистическое соревнование в форме ударничества. Оно стало частью большой кампании по организации трудового соперничества между рабочими угольной отрасли Кузбасса и Донбасса. В рассматриваемый период движение ударников набирало силу с переменным успехом, переживая маятниковые колебания — сначала рост, затем спад и вновь более значительный рост количества ударных бригад и ударников, ставших основными показателями эффективности мобилизации трудового энтузиазма рабочих, направленного на выполнение плана угледобычи.

Вместе с тем, рост результативности ударничества сдерживал ряд неблагоприятных факторов, это: формальная поддержка со стороны руководства предприятий, партийных и профсоюзных органов; отсутствие конкретных взятых обязательств, поощряющее начётничество; неготовность горного надзора в организационном, техническом и моральном (из-за проявлений спекулятивности) плане оптимизировать потери рабочего времени шахтёров; высокая текучесть кадров.

В течение первой пятилетки добыча угля на Кемеровском руднике возросла с 338,5 тыс. тн (1928 г.) до 516 тыс. тн (1932 г.) [7, л. 38, 40] благодаря введению в эксплуатацию шахты «Пионер», а также ударничеству и внедрению хозрасчётных механизмов регулирования экономической деятельности шахт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волченко А.В. Промышленное развитие Кузбасса в 1926–1940 годах // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1965). Материалы научной конференции. Кемерово, 1966. Вып. II. 56–76 с.
2. ГАК (Государственный архив Кузбасса). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 365.
3. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 462.
4. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 474.
5. ГАК. Ф. П-15. Оп. 6. Д. 10.
6. ГАК. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 28.
7. ГАК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 2.
8. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890–1990-х гг.). Кемерово: АОЗТ «Кузбассвуиздат», 1995. 341 с.
9. История Кузбасса: в трёх томах. Т. 2, кн. 2: Кузнецкий край на переломе эпох в 1890-х — начале 1940-х годов / А.Н. Ермолаев, А.Ю. Карпинец, Н.М. Морозов и др.; под науч. ред. А.Н. Ермолаева. Кемерово: Кузбасская медиагруппа; ArtAvis, 2021. 380 с.
10. Леухова М.Г. Становление второй угольной базы на востоке страны. 1928–1937 гг.: дис. канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 247 с.
11. Кемеровский рудник. 100 лет перемен. Кемерово: ООО РИФ «Весть», 2008. 230 с.
12. Красное знамя. 1930. № 228 от 12 октября.
13. Кузбасс. 1930. № 239 от 20 октября.
14. Кузбасс. 1931. № 84 от 27 апреля.
15. Угольный Кемерово. 100 лет / под ред. Н.Н. Маньшина и др. Кемерово: Принт, 2017. 252 с.

REFERENCES

1. Volchenko A.V. *Promyshlennoe razvitie Kuzbassa v 1926–1940 godah* [Industrial development of Kuzbass in 1926–1940] // *Iz istorii rabocheho klassa v Kuzbasse (1917–1965). Materialy nauchnoj konferencii*. Kemerovo, 1966. Vyp. II. 56–76 s. (In Russian).
2. GAK (Gosudarstvennyj arhiv Kuzbassa). F. P-8. Op. 1. D. 365. (In Russian, unpublished).
3. GAK. F. P-8. Op. 1. D. 462. (In Russian, unpublished).
4. GAK. F. P-8. Op. 1. D. 474. (In Russian, unpublished).
5. GAK. F. P-15. Op. 6. D. 10. (In Russian, unpublished).

6. GAK. F. P-15. Op. 7. D. 28. (In Russian, unpublished).
7. GAK. F. R-6. Op. 2. D. 2. (In Russian, unpublished).
8. Zabolotskaja K.A. *Ugol'naja promyshlennost' Sibiri (koniec 1890–1990-h gg.)*. [Coal industry of Siberia (1890–early 1990)]. Kemerovo: AOZT «Kuzbassvuzizdat», 1995. 341 s. (In Russian).
9. *Istorija Kuzbassa: v trijoh tomah. T. 2, kn. 2: Kuzneckij kraj na perelome jepoh v 1890-h nachale 1940-h godov* [History of Kuzbass: in three volumes. T. 2, Prince 2: Kuznetsk Territory at the turning point of eras in the 1890s — early 1940s] / A.N. Ermolaev, A.Ju. Karpinec, N.M. Morozov i dr.; pod nauch. red. A.N. Ermolaeva. Kemerovo: Kuzbasskaja mediagruppa; ArtAvis, 2021. 380 s. (In Russian).
10. Leuhova M.G. *Stanovlenie vtoroj ugol'noj bazy na vostoke strany. 1928–1937 gg.* [The formation of a second coal base in the east of the country. 1928–1937.]: Dis. kand ist. nauk. Kemerovo, 2000. 247 s. (In Russian).
11. *Kemerovskij rudnik. 100 let peremen* [Kemerovo mine. 100 years of change]. Kemerovo: OOO RIF «Vest'», 2008. 230 s. (In Russian).
12. *Krasnoe znamja* [Red banner]. 1930. № 228 ot 12 oktjabrja. (In Russian, unpublished).
13. *Kuzbass*. 1930. № 239 ot 20 oktjabrja. (In Russian, unpublished).
14. *Kuzbass*. 1931. № 84 ot 27aprelja. (In Russian, unpublished).
15. *Ugol'nyj Kemerovo. 100 let* [Coal Kemerovo. 100 years] / pod red. N.N. Man'shina i dr. Kemerovo: Print, 2017. 252 s. (In Russian).